
**ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС:
ПОСЛЕДСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

МИР. ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА. ГЕРМАНИЯ*

© 2014 г.

Экономический кризис 2008–2009 гг. высветил новые проблемы в развитии немецкой модели социального рыночного хозяйства и факторы ее жизнеспособности, позволившие Германии утвердиться в ЕС на лидерских позициях. Коррективы государственной политики коснулись прежде всего электроэнергетики и финансов. Произошли изменения и в раскладе партийно-политических сил, появились популистские партии “нового типа”. Эти сдвиги сказались на итогах выборов 2013 г., непрохождение в бундестаг партии свободных демократов заставило победителя – ХДС – искать новых партнеров по правительственной коалиции.

Ключевые слова: политический ландшафт, партийные коалиции, партии “нового типа”, выборы, экономический кризис, банковская система, энергетическая политика, альтернативная энергетика, социальное рыночное хозяйство, индустриальная экономика.

Цикл материалов о тенденциях и перспективах социально-политических трансформаций ведущих стран мира в условиях современного кризиса продолжает публикация о **Германии**, подготовленная по итогам очередного заседания научно-теоретического семинара Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН. С докладом об эволюции партийно-политической системы ФРГ и факторах жизнеспособности германской социально-политической модели выступила д.п.н., профессор МГИМО (У) МИД России **И.М. Бусыгина**. Чл.-корр. РАН, зам. директора ИМЭМО **А.В. Кузнецов** посвятил свой доклад трансформации партийно-политической системы и тем фундаментальным сдвигам в развитии страны, которые отражаются в этой трансформации. Германская социально-экономическая модель, а также вектор экономической динамики и перспективы немецкой экономики – в центре внимания к.э.н., руководителя центра Института Европы РАН **В.Б. Белова** и к.э.н., доцента НИУ ВШЭ **Н.В. Супян**.

И.М. Бусыгина. Трансформации партийного ландшафта Германии и проблема строительства коалиций. Федеративная Республика Германия – особая страна для исследователя-политолога: изучение современной германской политики предоставляет ему исключительную (других подобных случаев я не знаю) возможность анализировать проблемы, связанные с политическими

изменениями и развитием. Крайне мало обществ пережили столь глубокие и многочисленные сломы политических систем в столь короткий период. Действительно, только в XX в. Германия была империей, нестабильной демократической республикой, тоталитарной диктатурой, пережила военную оккупацию и разделение на два государства и наконец – стала единым демократическим федеративным государством, эффективность которого не вызывает сомнений. Жизнеспособность Германии, способность к стремительному восстановлению после глубочайших потрясений, поражает.

Однако коренные сломы и потрясения политической системы остались в прошлом: со времени принятия Основного закона 1949 г. Германии удалось обрести репутацию одного из наиболее стабильных европейских государств – и экономически, и политически, основного локомотива европейских интеграционных процессов. Именно с целью предотвращения резких сдвигов в политическом развитии страны создатели Конституции предусмотрели, в частности, подчеркнута символический статус института федерального президента, усложненность внесения изменений в Основной закон, фиксацию демократии и федерализма в нем как “вечных гарантий”, которые не подлежат отмене ни при каких условиях.

Упор на стабильность не означает, однако, неспособность к нарастающим изменениям: политическая система преобразуется эволюционно. Это относится прежде всего в партийному ландшафту Германии, в частности количеству политических партий. Поскольку они играют столь важную роль в политической системе страны, что

* Материалы по Италии, Великобритании, Испании, Японии, Франции соответственно см.: МЭ и МО. 2013. № 5, 6, 7, 9, 10.

Германию называют “партийным государством” (*Parteistaat*), и по следам парламентских выборов осени 2013 г. (а все выборы в Германии сугубо партийны) представляется уместным и важным обсудить эволюцию партийной системы и проблемы коалиционного строительства.

Германия имеет весьма продолжительный опыт партийного строительства: демократические политические партии возникли еще при кайзеровском режиме. В отличие от многих других демократий, в Германии предназначение и принципы организации партий определены Основным законом (ст. 21) и Законом о партиях от 1967 г. Закон также (и это важно для Германии с учетом ее особого исторического опыта) кодифицирует положения о запрещении партий. В ФРГ вопрос о запрете радикальных партий в свое время стоял довольно остро. Так, в 1952 г. была запрещена неонацистская Социалистическая имперская партия, в 1956 г. – после длительного судебного разбирательства – Коммунистическая партия Германии. Излишней партийной фрагментации бундестага препятствует 5%-ный барьер (партии, набравшие меньше 5% голосов, в бундестаг не попадают).

После окончания войны в ФРГ довольно быстро складывается весьма устойчивая партийная композиция. Крупнейшими партиями стали левоцентристская СДПГ (восстановлена под руководством Курта Шумахера) и правоцентристская ХДС/ХСС. СДПГ была воссоздана как социалистическая партия, представляющая интересы рабочего класса и профсоюзов. Однако в 1959 г. на съезде СДПГ в Годесберге была принята программа, которая отвергала концепцию классово-партийной идеологии марксизма, что означало переход на позиции социал-демократизма.

Христианско-демократический союз (ХДС) предполагал объединение христиан обеих западных конфессий, партия крайне многим обязана своему многолетнему лидеру Конраду Аденауэру, при котором она получила четко выраженную западную, проевропейскую и антикоммунистическую направленность. Христианско-социальный союз (ХСС) – это ХДС Баварии, хотя как партия Союз формально полностью самостоятелен. Благодаря особой земляческой сплоченности ХСС пользуется исключительным влиянием внутри общей фракции ХДС/ХСС. Третьей партией, традиционно вступавшей в коалицию с ХДС/ХСС (что и позволяло формировать им правительство), являлась Свободная демократическая партия (СвДП) – германские либералы. Таким образом, в Германии сложилась система “двух с полови-

ной партий”, и это была система предсказуемых коалиций, поскольку для их строительства иных вариантов не было: или блок ХДС/ХСС с СвДП, или так называемая большая коалиция ХДС/ХСС и СДПГ – конструкция весьма неустойчивая.

Постепенно, однако, социальные и экономические изменения существенно ослабили зависимость электорального выбора индивида от его социально-экономического положения [9]. В среде нового среднего класса, сложившегося после войны, происходит отчетливый сдвиг в сторону постматериалистских ценностных ориентаций [17]. На политической арене страны появляется выросшая из общественного движения партия “Союз 90/Зеленые”, которой в 1983 г. удалось преодолеть 5%-ный барьер (партия набрала 5.6% голосов) и получить 27 мест в бундестаге.

Объединение Германии еще более усложнило структуру политических и электоральных предпочтений: присоединение Восточной Германии привело к включению в германское общество социальных групп с совершенно иным политическим опытом [20]. В результате образуется Партия демократического социализма – своего рода наследница Социалистической единой партии Германии, объединившаяся в дальнейшем с западногерманской Партией выборной альтернативы и социальной справедливости в общегерманскую Левую партию (*Die Linke*). Почти сразу “Левые” показали впечатляющие результаты на земельном уровне – в Бремене, Нижней Саксонии, Гамбурге и Гессене. В 90-е годы расхождения во взглядах между левым и центристским крылом СДПГ привели к выходу из нее многих членов, которые позже вступили в социалистическую Левую партию.

Принципиально новым элементом политической жизни Германии стало появление внеидеологических партий. Во-первых, это Пиратская партия (ПП), которая выступает за неприкосновенность данных интернет-пользователей и более либеральные законы копирайта. Эксперты говорили о ПП как о партии нового поколения, которая может в перспективе заменить “зеленых”. Еще совсем недавно она блестяще выступила на земельных выборах в Берлине, Северном Рейне-Вестфалии, Шлезвиг-Гольштейне и Сааре, в 2012 г. ее вероятные результаты на федеральных выборах оценивались в 13%. Однако политическая неопытность лидеров ПП и утопичность многих их идей обусловили окончание, казалось бы, ее блестящего взлета – на сентябрьских выборах 2013 г. в бундестаг партия собрала лишь 2.2% голосов. Во-вторых, совсем недавно в онлайн вышла новая партия – “Альтернатива для Герма-

нии”. Глава партии профессор экономики Бернд Луке (поддержанный рядом других профессоров) выдвинул ее три основные цели: отмена евро и либо возвращение к национальным валютам, либо создание более однородных валютных союзов; децентрализация Европейского союза при резком уменьшении его бюрократии и большем упоре на вопросы единого рынка; прямая демократия – плебисциты швейцарского типа. Он утверждает, что евро вместо того, чтобы стать “проектом мира”, вызвал ссоры и конфликты между европейскими странами. Появление партии евроскептиков было малоожидаемо для Германии, где власти и СМИ стараются не критиковать Евросоюз.

В преддверии выборов 2013 г. вопрос о будущем еврозоны был одним из наиболее актуальных. Правительство Ангелы Меркель находится под двойным – и разнонаправленным – давлением: с одной стороны, Германия последовательно выступает за сохранение зоны евро при ужесточении финансовой дисциплины и углублении интеграции (что означает усиление общих обязательств), с другой – эту позицию надо постоянно разъяснять и отстаивать, что представляется весьма нелегкой задачей.

Эксперты отмечают, что необходимость выстраивания коалиций (и, следовательно, разработки адекватных коалиционных стратегий) растет, при этом с увеличением числа партий множится и количество возможных альтернатив. Исследователи связывают растущую значимость формирования коалиций с двумя обстоятельствами, изменившими западноевропейские партийные системы. Во-первых, это формирование “зеленых” партий в конце 70-х годов, что привело к оттоку голосов от социал-демократов. Во-вторых, это подъем правого популизма в конце 80-х – 90-е годы, который способствовал сокращению электоральной поддержки консервативных и христианско-демократических партий. В обоих случаях это сокращение не привело к потере ведущими, традиционными партиями правительственного большинства – и именно потому, что они, пусть с некоторым опозданием, смогли включить новых конкурентов в свои коалиционные стратегии. Понятно, однако, что в силу плюрализации и фрагментации партийных систем формирование указанного большинства превратилось в более трудную проблему, так что сегодня и христианские демократы, и социал-демократы оказываются в положении, когда они должны бороться за голоса на многих фронтах одновременно [11, с. 6].

Выстраивание коалиционных стратегий – задача крайне непростая и деликатная, однако в

германской политической системе, помимо сложностей общего характера, есть ряд обстоятельств, еще более затрудняющих этот процесс. Во-первых, стандартной практикой является объявление решения о коалиционных приоритетах до выборов, по крайней мере этого ожидают немецкие избиратели. Именно на основе таких заявлений многие из них определяют, какой партии отдать свой голос. Такая же ситуация сложилась в Австрии, Франции и Испании, в отличие от Нидерландов, Швеции и Дании, где подобная практика отсутствует [10, с. 167]. Помимо избирателей, на политические партии оказывают серьезное давление СМИ, вынуждая партийных лидеров высказываться относительно коалиционных предпочтений при различных вариантах исхода будущих выборов, даже наименее вероятных.

Во-вторых, повышенная сложность ситуации в Германии заключается в том, что ранее, в течение долгого времени сформировать коалицию – и, следовательно, правительство – было относительно просто. Стабильная система “двух с половиной партий” вела к почти автоматическому складыванию коалиций в 60–70-е годы – либо СвДП выступала в качестве младшего партнера при ХДС/ХСС или (реже) СДПГ, либо формировалась упоминавшаяся “большая коалиция”. Даже в 80-е годы строить коалиции было не очень сложно, поскольку в это время сформировалась биполярная четырехпартийная система, в которой христианские демократы вступали в коалицию с либералами, а социал-демократы – с “зелеными”.

В-третьих, Германия – федеративное государство, и в федеральных землях также избираются региональные парламенты (ландтаги), а, значит, коалиции необходимо строить и на уровне регионов. И здесь надо учитывать два обстоятельства. С одной стороны, федеральные земли представлены в верхней палате германского парламента – бундесрате, так что их согласие необходимо для принятия и последующего исполнения важных законов. Поэтому федеральное правительство, очевидно, заинтересовано в том, чтобы партийные коалиции в землях дублировали бы партийную коалицию в бундестаге. С другой стороны, земельные парламенты служат своего рода экспериментальными лабораториями для отработки новых коалиционных дизайнов. Фактически новые коалиционные композиции становятся легитимными на федеральном уровне только в том случае, если они уже апробированы и отработаны в землях [11]. Так, самая первая коалиция христианских демократов и “зеленых” на земельном уровне была сформирована в Гамбурге в 2008 г.,

хотя она правила только два с половиной года. С 2009 г. первая коалиция ХДС/ХСС, “зеленых” и либералов правит в земле Саар [11, с. 8].

Согласно прогнозам, в канун парламентских выборов 2013 г. наибольшие шансы быть представленными в бундестаге имели четыре партии: ХДС/ХСС, социал-демократы, “зеленые” и Левая партия. В итоге блок ХДС/ХСС набрал 41.5% голосов, СДПГ – 25.7, “Левые” – 8.6, “зеленые” – 8.4%. Фактически выборы стали триумфом Ангелы Меркель (и, соответственно, ХДС/ХСС, которая добилась столь высокого результата после восьми лет у власти – и в не самые простые годы!)

После выборов на передний план вышел вопрос о том, какая коалиция будет править страной в ближайшие четыре года. Тут свобода маневра ХДС/ХСС ограничена тем, что впервые с 1949 г. СвДП, традиционный партнер христианских демократов, не преодолела 5%-ный барьер и не вошла в бундестаг. Это связано как с кризисом внутри самой партии, так и со слабой эффективностью ее представителей Гидо Вестервелле и Филиппа Рёслера на постах министра иностранных дел и министра экономики соответственно. Таким образом, у партии Меркель остается две альтернативы – формировать “большую коалицию” или “черно-зеленую” (с партией “зеленых”). Оба решения связаны с серьезными проблемами. Избрание СДПГ в качестве партнера отвечало бы запросам как избирателей, так и большинства членов ХДС, однако цена привлечения социал-демократов в “большую коалицию” может оказаться для него чрезмерно высокой: в обмен они могут потребовать повышения минимальной заработной платы, введения новых налогов и свертывания социальных реформ. Вообще, “большая коалиция” формируется по принципу наименьшего “общего знаменателя”, что изначально резко понижает шансы федерального правительства на успешную деятельность. Приглашение же в коалицию “зеленых” чревато относительно скорым ее разрывом: практика Саарланда и Гамбурга, где у власти были “черно-зеленые” коалиции, показала их низкую эффективность, поскольку многие лидеры “зеленых” оказались еще более левыми, чем СДПГ, так что совместной работы у них с христианскими демократами не получилось.

Каким бы ни был выбор победителей, он не изменит политику Германии в отношении Евросоюза. Пост министра финансов почти наверняка останется за Вольфгангом Шойбле, а сама Меркель будет по-прежнему отстаивать жесткую финансовую дисциплину в еврозоне. Избрание

партнера по коалиции более важно в контексте приоритетов не внешней, но внутренней политики страны.

А.В. Кузнецов. *Изменение политического ландшафта и сдвиги в общественном развитии.* Вопрос о том, какая правительственная коалиция сложится после осенних выборов 2013 г. в бундестаг, вообще какие факторы влияют на формирование межпартийных альянсов, – один из центральных и вместе с тем, в силу своей относительной новизны, далеко не до конца проясненных в политической жизни современной Германии. В числе причин неопределенности нужно назвать прежде всего заметные сдвиги в электоральной поддержке малых партий, что побуждает ряд экспертов говорить об уникальной трансформации всей партийной системы ФРГ. Действительно, в партийной жизни страны происходят большие изменения, но они похожи на процессы во многих других странах ЕС, а роль Пиратской партии и созданной на волне критики антикризисной борьбы в зоне евро “Альтернативы для Германии”, на мой взгляд, не стоит преувеличивать. Как показали различные опросы в январе–апреле 2013 г. [22], ни одна из этих двух партий не имела шанса преодолеть 5%-ный барьер, что и подтвердилось в сентябре.

В земельных и муниципальных выборах на территории ФРГ участвует около 70 политических партий и избирательных союзов. При этом 27 партий выставили списки на выборах в бундестаг в 2009 г., а в выборах в Европарламент в том же году участвовали 32 партии. Однако 5%-ный барьер преодолели лишь ХДС и ее баварский союзник ХСС, СДПГ, СвДП, “зеленые” и “Левые” (*Die Linke*). В парламентах ряда земель ФРГ представлено еще несколько партий [3].

Срок жизни многих малых партий в Германии ограничивается несколькими годами (хотя есть и такой долгожитель, как партия Центра). Иногда активность небольшой партии вообще связана с одним политиком, как в случае Р. Шилля, чья партия смогла в 2001 г. на выборах в парламент Гамбурга занять третье место с 19.4% голосов. Одновременно в среде партий второго эшелона есть возможности появления новых популярных партий. При этом последняя сенсация на выборах в ФРГ, когда Пиратская партия в 2011–2012 гг. прошла в четыре земельных парламента, отнюдь не уникальное событие.

Отчасти успех малых партий стал результатом кризиса “народных” партий (ХДС и СДПГ), лежащего в русле общеевропейских политических процессов. В последние десятилетия изменились

базовые ценности немцев. Традиционное деление электората на правых, центристов и левых во многом обусловлено самоидентификацией граждан в системе координат, определенных материальными ценностями и спецификой занятости в индустриальной экономике. Переход к постиндустриальному обществу, сопровождающийся ростом внимания к нематериальным потребностям (стремлению к самореализации, свободе мнений, повышенным требованиям к экологической обстановке и т.д.), привел к размыванию старых идеологических ориентиров. Кардинальные сдвиги на рынке труда, появление новых форм занятости, кризис профсоюзного движения подрывают опору классической социал-демократии. Однако и на правом фланге много проблем. В частности, сильно изменилось отношение в обществе к таким институтам, как семья и церковь. Нельзя забывать и о крахе в конце 80-х годов мировой социалистической системы, который среди прочего лишил ХДС/ХСС антикоммунистической риторики.

Происходит существенное сокращение численности членов партий (причем не только “народных”) при сохранении высокой электоральной активности граждан. Немцы почти перестали верить в способность влиять на внутрипартийную жизнь, которая все чаще ассоциируется с жесткой иерархией, бюрократией и коррупционными скандалами. Однако это не значит, что они радостно поддержат партии “нового типа”, делающие ставку на популистские лозунги и применение новых информационных технологий, не предлагая цельной программы с конструктивными предложениями по всем проблемам развития ФРГ. Неслучайно “Пираты” быстро потеряли поддержку общественного мнения на общегерманском уровне (с 8–9.5% в конце 2010 г. до 2.5–3% в марте–апреле 2013 г., и еще меньше получив на последних выборах в бундестаг).

Кроме того, основные партии пусть и не стремительно, но реагируют на изменения методов политической борьбы. К тому же за несколько десятилетий ХДС и СДПГ научились обыгрывать популистов-одномандатников, выставляя сильных соперников, а при прохождении маргинальных партий в земельные парламенты их не приглашают в правящие коалиции, тем самым не давая возможности выполнить обещания, раздававшиеся избирателям. Анализируя перспективы “Пиратов”, полезно вспомнить краткий успех созданной в 1964 г. праворадикальной Национал-демократической партии Германии (НДПГ). В 1966–1968 гг. на волне реваншистских настроений западногерманского населения

НДПГ вошла в семь ландтагов, но затем быстро растеряла поддержку избирателей. Если на федеральных выборах 1969 г. она собрала 4.3%, то уже в 1972 г. – только 0.6% голосов. При этом до сих пор НДПГ и другим радикальным партиям удается проходить в отдельные ландтаги, точно улавливая настроения избирателей и включая в программы экологические требования, призывая к ужесточению борьбы с незаконным оборотом наркотиков и т.д.

“Альтернатива для Германии” представляется более продуманной попыткой немецких интеллектуалов создать новую общегерманскую малую партию. Она зарегистрирована в феврале 2013 г., а в апреле прошел ее учредительный съезд, на котором было подчеркнуто, что партия не ограничится темой борьбы с кризисом в зоне евро, а предлагает свое видение налоговой реформы, политики в области энергетики, мер стимулирования рождаемости и регулирования иммиграции и т.д.

Однако добиться быстро внушительного успеха новая партия, конечно, не могла (4.7% голосов в сентябре 2013 г.). Достаточно вспомнить, сколь долго к вершинам власти в ФРГ поднимались “зеленые”. Первый успех они одержали в 1979 г. в Бремене (под брендом “Бременский зеленый список”). Тогда же разрозненные движения (в основном экологические, но также и леворадикальные, анархистские) создали общегерманскую партию (хотя в ФРГ действуют и другие экологические партии). Уже в 1982 г. “зеленые” были представлены в половине западногерманских ландтагов, в 1983 г. партия прошла в бундестаг, а в 1985 г. получила министерский пост в правительстве Гессена. Положение партии в новых землях ФРГ после объединения страны оказалось сложным, однако “зеленые” постепенно расширяли электоральную базу по всей стране. В 1998–2005 гг. они стали младшим партнером правящей коалиции на федеральном уровне, а в 2011 г. впервые оказались представлены сразу во всех 16 земельных парламентах (наряду с ХДС/ХСС и СДПГ). В 2011 г. в Баден-Вюртемберге, где “зеленые” бессменно заседали в ландтаге с 1980 г., они заняли на выборах второе место с 24.2% голосов (против 11.7% в 2006 г.). В результате партия, наконец, смогла получить в коалиционном земельном правительстве пост премьер-министра (еще в четырех землях “зеленые” – младший партнер).

При этом мне кажется, что интереснее, говоря о наиболее значимых новых процессах, связанных с Германией, обсуждать не столько трансформацию партийного ландшафта в стране, сколько

фундаментальные сдвиги, которые сложившийся сегодня ландшафт отражает. К таковому, на мой взгляд, во внешней сфере следует отнести приобретение Германией неоспоримого лидерства в процессах европейской интеграции, а во внутренней жизни – ускорение перехода к альтернативной энергетике.

Принято считать, что успешное углубление европейской интеграции не в последнюю очередь связано с наличием в ЕС сразу нескольких сопоставимых по экономическому и политическому значению стран. После объединения Германии в 1990 г. ее вес по населению или ВВП стал ощутимо больше, чем Франции, Италии и Великобритании, однако ФРГ по-прежнему не доминировала в ЕС даже на фоне усиления своей внешнеполитической активности (которая у Западной Германии в 50–80-е годы по понятным причинам была сильно ограничена). Напротив, в начале 2000-х годов стало казаться, что значение Германии в ЕС снижается по мере развития национального уровня управления, а также его территориальных расширений (поскольку малые страны в институтах ЕС имеют непропорционально большой вес).

Расклад сил резко изменился в ходе нынешнего экономического кризиса, особенно по мере обострения ситуации в зоне евро. При этом большинство германских политиков и экономистов, по крайней мере в публичных выступлениях, отнюдь не в восторге от ставшего неизбежным лидерства ФРГ в Евросоюзе, которое к тому же в проблемных странах Южной Европы поднимает антигерманскую волну. Однако обвинения Германии в успешном развитии за счет менее конкурентоспособных партнеров по зоне евро и в стремлении диктовать им способы борьбы с кризисом лишены, на мой взгляд, объективности. Скорее проблемы в других странах зоны евро негативно сказываются на хозяйственной динамике в ФРГ, которая изначально базировалась на позитивных преобразованиях в самой Германии в 90-е – начале 2000-х годов.

Конечно, вызывало вопросы о соответствии традициям ЕС существование в 2011–2012 гг. (до последних президентских выборов во Франции) франко-германского переговорного тандема по поводу европейского долгового кризиса (“Меркози” – А. Меркель и Н. Саркози). Вместе с тем нельзя забывать, что на две крупнейшие страны приходилась почти половина ВВП зоны евро, так что именно действия ФРГ и Франции во многом определяли судьбу единой валюты. Не кажется удивительной и позиция главы Бун-

десбанка Й. Вайдемана, в отличие от многих других членов совета управляющих Европейского центрального банка выступившего за бескомпромиссную денежно-кредитную политику в зоне евро. В конце концов, в 2012 г. ВВП Германии вырос на 0.7%, а в 2013 г. Кильский институт мировой экономики прогнозирует рост показателя на 0.6%, притом что в зоне евро без учета ФРГ в 2012 г. был спад на 1.1%, который продолжится и в 2013 г. (на 0.5%) [21, S. 30]¹. К тому же в Германии удается сочетать бюджетную экономию с улучшением социальной обстановки – в стране продолжает снижаться безработица (до менее чем 6%), тогда как в большинстве стран зоны евро она растет (зашкаливая в Греции и Испании за 25%).

Успехи Германии во многом связаны с экспортом, который позволяет не ограничиваться тесными рамками внутреннего рынка. Вместе с тем ФРГ не развивается за счет других стран ЕС – напротив, в условиях кризиса немецкие производители постарались переориентироваться на рынок Китая и других динамично развивающихся стран. К тому же серия грамотных и своевременных мер государственной политики позволила во время кризиса активизировать в ФРГ внутренний спрос [4]. Наконец, не следует воспринимать международную специализацию Германии как данность, с которой стране повезло в отличие, например, от Испании или Италии. Ведь конкурентоспособность автомобилестроения и станкостроения, химической индустрии или электротехнической промышленности ФРГ определяют известные по всему миру компании, которые могут с помощью прямых инвестиций перенести производство и за рубеж. Такая проблема в ФРГ была острой еще 20 лет назад, когда конкурентоспособными считались германские ТНК, но не германская экономика, испытывавшая так называемые проблемы штандорта².

За прошедшие десятилетия ФРГ заметно улучшила инвестиционный климат, причем в 2000-е годы не последнюю роль играл медленный рост трудовых издержек (в 2009 г. по сравнению с 1999 г. они выросли в ФРГ на 4% против 22% в целом по зоне евро). Германия провела болезненные реформы на рынке труда, которые привели к поражению Г. Шрёдера на выборах 2005 г., но

¹ Другие институты дают несколько иные количественные оценки, но общие тенденции все прогнозы показывают одинаково.

² Штандорт – экономико-географический термин для обозначения фактического или наиболее выгодного расположения, размещения предприятий (прежде всего промышленных).

обеспечили необходимую гибкость в сфере занятости во время кризиса. Были приняты и дополнительные меры, в частности программы “сокращенного рабочего дня”.

Резюмируя, хочу подчеркнуть, что во многом именно экономическая мощь Германии создала условия для нынешней помощи Греции и другим проблемным членам ЕС, тогда как к тяжелому кризису эти страны подошли самостоятельно из-за слабого государственного управления, завышенных социальных ожиданий населения и т.п.

Относительное экономическое благополучие позволяет Германии форсировать и переход к альтернативной энергетике, хотя отказ от АЭС к 2022 г. и продолжающееся субсидирование возобновляемых источников энергии кажется некоторым экспертам nepозволительной роскошью в условиях кризиса. Другое дело, что немцы ожидают от такой стратегии создания в будущем еще одного важного конкурентного преимущества страны в глобальной экономике.

Электроэнергетика Германии отличается диверсифицированной структурой. В 2010 г., то есть до аварии на японской АЭС “Фукусима”, спровоцировавшей решение об окончательном отказе ФРГ от атомной энергетики, примерно равное количество энергии производили тепловые электростанции, работающие на буром угле, и АЭС (соответственно 23.2 и 22.4%). Другими крупными источниками выступали каменный уголь (18.6%), нефтегазовое сырье (15.1) и разные варианты возобновляемых источников (16.4%) [8]. При этом в отдельных землях структура производства электроэнергии сильно отличалась от среднегерманской. Например, в Сааре на каменный уголь приходилось 80%.

Раньше доля АЭС в ФРГ была еще выше, но после аварии на Чернобыльской АЭС в немецком обществе стала нарастать радиофобия. После прихода к власти коалиции СДПГ и “зеленых” в 1998 г. было принято решение о постепенном отказе Германии от АЭС и запрете на развитие отрасли с 2000 г. Сейчас АЭС работают только в пяти землях, причем в Баварии, Баден-Вюртемберге и Шлезвиг-Гольштейне на них вырабатывается все еще больше 50% электроэнергии.

Отказ от АЭС теоретически предполагал ускоренный переход к возобновляемым источникам. Данное решение отвечает периодически озвучиваемым стратегическим целям увеличить долю этих источников в ФРГ за 10 лет на 10–20 процентных пунктов. Действительно, уже в 2012 г. доля возобновляемых источников выросла до

21.9%, а АЭС, напротив, сократилась до 16%. Попутно замечу, что природный газ, будучи довольно экологичным топливом, не считается в Германии приоритетным для использования в электроэнергетике, поскольку поступает из-за рубежа (в значительной мере из России).

Однако возобновляемые источники энергии имеют два недостатка. Во-первых, объемы производства сильно зависят от погоды (наличия ветра, солнечных дней, уровня подъема воды и т.д.). Во-вторых, велики дисбалансы в энергетическом потенциале территорий. Не случайно, в Мекленбурге-Передней Померании на возобновляемые источники уже приходится свыше 50% выработки электроэнергии, тогда как в ряде земель их доля не достигает 10%. В результате в ближайшие годы потребуется строительство 3800 км трансгерманских высоковольтных линий электропередач, которое обойдется в 20 млрд. евро. Найти такие инвестиции в условиях кризиса сложно. К тому же немцы, поддерживая общую идею развития альтернативной энергетики, выступают против прокладки трасс воздушных линий вблизи их домов.

В какой-то момент возникла угроза замещения АЭС бурогольными электростанциями. В прессе даже появились статьи о преувеличенной опасности экологического загрязнения и недооцениваемой экономической эффективности бурогольной электроэнергетики. Правда, быстро выяснилось, что такие станции могут лишь частично заместить АЭС в силу географической концентрации в угольных бассейнах (главным образом Восточной Германии). Иначе говоря, и в этом случае потребуется развитие дорогостоящей сети линий электропередач. Существуют и другие аргументы по поводу нецелесообразности возврата к углю [5].

В краткосрочном плане отказ от АЭС (учитывая, что процесс растянут на целое десятилетие) не приведет к затормаживанию экономической динамики в ФРГ. Во-первых, крупные фирмы, владеющие АЭС, имеют диверсифицированный портфель энергетических активов, так что испытываемые ими трудности вряд ли окажутся фатальными. Во-вторых, сокращение производства на АЭС было отчасти компенсировано наращиванием показателей на электростанциях других типов.

В долгосрочной перспективе ситуация сложнее. В условиях экономического кризиса остро стоит вопрос об источниках финансирования фундаментальных изменений в отрасли. При этом возможный рост тарифов на электроэнер-

гию сразу отразится на развитии целого ряда отраслей германской экономики. Уже почти всем в ФРГ стало очевидно, что субсидирование альтернативных источников, особенно солнечной электроэнергетики, где давно нарушены принципы рыночной конкуренции, необходимо сокращать [6]. Тем не менее многие эксперты полагают, что ускоренный сдвиг в электроэнергетике в пользу возобновляемых источников будет стимулировать экономический и технический прогресс, в том числе косвенно – через импульсы к развитию новых направлений машиностроения и ускоренное внедрение энергосберегающих технологий.

В.Б. Белов. *Насколько устойчиво социальное рыночное хозяйство Германии в условиях современного кризиса.* Наивысшие темпы роста ВВП Германии пришлось на 50-е и 60-е годы прошлого века: в среднегодовом исчислении они составляли 7.8% в 1952–1961 гг. и 4.3% в 1962–1971 гг. В последующие два десятилетия они снизились до 2.6–2.8%, а в 90-е – до 1.6%. В период с 2002 по 2011 г. ВВП в среднем рос на 1.1%. В начале нулевых годов англичане справедливо назвали ФРГ “больным человеком Европы”, намекая на многие проблемы, с которыми ведущая экономика Евросоюза вступила в XXI в. Действительно, за несколько десятилетий немецкая модель рыночного хозяйства отошла от многих ордолиберальных принципов и существенно снизила свою эффективность вследствие зарегулированности рынка труда, бюрократизированности и высокой социальной нагрузки на государственный бюджет. Положительной оценкой заслуживает смелое и ответственное решение канцлера Г. Шрёдера о проведении широкомасштабных реформ, известных под названием “Повестка дня 2010”, реализация которых началась 14 марта 2003 г. Казавшиеся тогда многим спорные и неоднозначные меры привели к протестам как в правящей “красно-зеленой” коалиции, так и среди электората, что стоило социал-демократическому канцлеру политической карьеры. Но последующие годы подтвердили правильность и своевременность предпринятых шагов³.

Серьезным испытанием для Германии стал кризисный 2009 г., когда промышленное производство впервые за послевоенную историю упало почти на 18%, а ВВП – на 5%. Правитель-

ство было вынуждено использовать кейнсианские методы поддержки экономики, приняв ряд конъюнктурных программ, а также программ по поддержке системных банковских институтов и компаний, обусловивших дальнейший рост государственной задолженности⁴. Именно во время последнего кризиса немецкая экономика проявила свое *преимущество*, которое многие до этого относили к ее недостаткам – речь идет об *относительно высокой доле обрабатывающей промышленности в ВВП* (около четверти). Нередко утверждалось, что Германия задержалась на фазе индустриального развития и ей предстоит догнать страны, базирующиеся на преимущественном развитии сферы услуг, особенно финансовых (США, Великобритания). Кризис, имевший спекулятивную финансовую природу, расставил точки над *i*. Евросоюз, взяв немецкий пример в качестве лучшей практики, принял программу, предусматривающую постепенное повышение доли промышленного сектора в ВВП своих членов. Являясь одним из крупнейших экспортеров товаров в мире, ФРГ имеет экспортную квоту (товары и услуги) на относительно взвешенном и приемлемом уровне – около 50%.

Благодаря высокоразвитой индустриальной экономике, базирующейся на знаниях и инновациях, а также широкомасштабным программам поддержки народное хозяйство Германии достаточно быстро вышло из кризиса. Уже в 2010 г. ВВП вырос на 2.2%, а в 2011 г. – на 1.8%, 2012 г. – на 0.7%. Незначительные сбои, обусловленные внешними факторами (падение спроса со стороны ряда стран на немецкие товары и услуги), наблюдались только в последних кварталах 2011 и 2012 гг., когда квартальный ВВП в исчислении к предыдущему периоду снизился на 0.3 и 0.9% соответственно. Другие страны еврозоны показали в 2010–2012 гг. существенно худшие результаты. Не случайно именно в них упал спрос на немецкую продукцию. В 2012 г. возрос спрос со стороны США, а также ряда стран региона ЮВА, что компенсировало снижение товарных поставок на европейские рынки. В 2011 г. объемы экспорта превысили заветную планку в 1 трлн. евро,

³ Г. Шрёдер, убеждая своих противников в необходимости принятия этого пакета, заявил: “Или мы модернизируем рыночное хозяйство, или мы сами будем подвергнуты модернизации”.

⁴ Упомянутая масштабная поддержка государством системных экономических субъектов, искажающая рыночную конкуренцию, вызвала справедливую критику неолиберального крыла немецкого экспертного сообщества. Тем не менее такое вмешательство предотвратило существенное сокращение рабочих мест, обеспечив социальную стабильность в стране. В 2009 г. одним из немногих макроэкономических показателей, показавших положительную динамику, стал потребительский спрос.

а совокупный внешнеторговый оборот страны в 2012 г. составил около 2 трлн. евро при положительном сальдо в 178 млрд. евро⁵.

Основой немецкого экспорта являются продукция химической промышленности, машины и транспортное оборудование (более 70%). На прочие отрасли обрабатывающей промышленности приходится еще 15%. Высокое качество, гарантированное клеймом “Сделано в Германии” и сопровождаемое предоставлением сопутствующих услуг, по-прежнему обеспечивает устойчивый сбыт немецких промышленных товаров, производимых главным образом малыми и средними фирмами, многие из которых являются скрытыми мировыми чемпионами в своих рыночных сегментах. Естественным образом темпы роста экспорта по-прежнему определяются преимущественно мировой конъюнктурой, в первую очередь ситуацией в еврозоне. За последние 15 лет страна превратилась в одного из мировых лидеров по предоставлению транспортно-логистических услуг, которые во многом сопровождают внешнюю торговлю товарами. Именно в нишах, связанных с промышленным производством, ФРГ может осваивать перспективные направления развития сектора услуг. Но серьезным вызовом для нее могут стать реиндустриализация США и изменение хозяйственной модели Китая, следствием которых будет перераспределение мировых товарных потоков.

В 2011 г. впервые за последние годы драйвером роста в ФРГ стал внутренний спрос – на него пришлось около трети увеличения ВВП. Среднегодовой рост располагаемых доходов домашних хозяйств с 2010 по 2012 гг. составил 2.7%.

Ведущее место среди государственных антикризисных программ было отведено Фонду спасения банков *Soffin*, учрежденному в конце 2008 г. в целях системной поддержки немецкой банковской системы и предотвращения эффекта домино среди ее участников. Располагая правом выдачи гарантий ликвидности на сумму до 400 млрд. евро и участия в капиталах проблемных банков на сумму до 80 млрд. евро, он с успехом справился со своей задачей. Совокупный объем предоставленных в 2008–2012 гг. гарантий равен примерно 168 млрд. евро. Но на сегодняшний день их актуальная величина составляет 3.3 млрд. евро, из которых 1.1 млрд. евро приходится на Дюссельдорфский ипотечный банк. Фонд обеспечил участие государства в капиталах проблемных банков на

18.8 млрд. евро (включая *Hypo Real Estate* – 9.8 млрд. евро и *Commerzbank* – 6.7 млрд. евро). Понесенные Фондом за весь период его деятельности убытки равны 23 млрд. евро. Кризис содействовал консолидации земельных банков Германии – их число сократилось, произошли определенные изменения в их статусе. Среди прочего эти кредитные институты были вынуждены отказаться от ряда видов деятельности и сконцентрироваться на обслуживании малых и средних фирм, а также частных клиентов. Усилились позиции сберегательных касс. Свою устойчивость и надежность подтвердили кооперативные банки (фольксбанки и райфайзенбанки), которые смогли, избежав потерь, консолидировать свои центральные институты. Одновременно утратил свои лидирующие позиции *Commerzbank* – он был, между прочим, исключен из международного рейтинга банков, системно значимых для мировой экономики. Сложные процессы внутренней перестройки идут в другом лидере кредитного сектора страны – *Deutsche Bank*. Кризис обусловил разворачивание в стране непростой дискуссии о месте и роли универсальной банковской системы и возможности ее замены на сегментированную⁶.

Постепенное расширение ликвидности и смягчение политики банковских учреждений по отношению к своим клиентам, в первую очередь представителям малого и среднего бизнеса, обеспечили достаточно быстрое послекризисное восстановление кратко-, средне- и долгосрочного кредитования. В 2012 г. доминировала группа долгосрочных кредитов, среди которых преобладали кредитные средства, предоставляемые для жилищного строительства. Кредиты с меньшими сроками, в том числе и потребительские, имели тенденцию к сокращению. В целом в нынешних условиях для всех экономических субъектов сохраняется высокая доступность заемных ресурсов. Благоприятная ситуация с кредитами содействовала повышению хозяйственной активности компаний во всех секторах экономики. В 2010–2012 гг. позитивная динамика наблюдалась в строительстве, прежде всего жилищном. Промышленный сектор занял выжидательную позицию, осторожно инвестируя в машины и оборудование. Опасения предпринимателей связаны с труднопрогнозируемой ситуацией в еврозоне, которая в 2012 г. в области внешнего спроса уступила пальму первенства другим регионам, во многом обеспечившим заказами немецкую промышленность.

⁵ Здесь и далее – данные Федерального статистического ведомства Германии (www.destatis.de).

⁶ Подробно об этом см. выступление Н.В. Сулян. – Ред.

Определенные сложности бизнес усматривает в изменениях в энергетической политике, в том числе в связи с неоднозначным решением Ангелы Меркель, принятым в марте 2011 г., об остановке всех атомных станций в стране [1]. С одной стороны, это вопросы надежности энергоснабжения, которое невозможно обеспечить без строительства новых генерирующих мощностей и передающих энергосетей, против чего нередко выступает местное население. С другой стороны, это вопросы сохранения системы государственных льгот для ряда крупных потребителей и энергоемких производств, которые касаются, в частности, сбора – в соответствии с Законом о возобновляемой энергетике – налога на теплофикацию, концессионных выплат и сетевых сборов. Без соответствующих льгот цена (тарифы) на электроэнергию в последнее время для большинства потребителей, включая домохозяйства, существенно выросла, что может при сохранении такой негативной тенденции привести к падению конкурентоспособности немецкой экономики. Некоторые эксперты даже говорят об угрозе деиндустриализации Германии, которая неизбежно приведет к сокращению числа рабочих мест.

Несмотря на сложную ситуацию во внешнеэкономической сфере, 2010–2012 гг. стали периодом динамичного роста занятости и снижения числа безработных в немецкой экономике. Во многом это – следствие реализации широкомасштабных реформ в рамках вышеупомянутого пакета “Повестки дня 2010”. За прошедшие 10 лет было принято четыре пакета законов (Харц-I, II, III и IV). Их сутью стало соединение государственных программ социальной поддержки и борьбы с безработицей, повышение ответственности, самостоятельности и мобильности лиц, оставшихся без работы. В рамках проводимых реформ была проведена перестройка Федерального ведомства по труду, снижена налоговая нагрузка, существенно увеличены расходы на образовательные программы, начата деbüroкратизация и устранен ряд барьеров для частичной занятости. С марта 2005 г. численность безработных уменьшилась с 5 млн. до почти 2.5 млн. в конце 2012 г., а их доля в экономически активном населении соответственно с 12 до 6.9%. Безработица среди молодежи на начало 2013 г. была одной из самых низких в Евросоюзе – менее 10%, в то время как в южноевропейских странах она превышала 50%. С 2007 по 2012 гг. на 40% снизилось количество длительно безработных, в том числе в группе лиц старше 55 лет. К нерешенным и спорным вопросам следует отнести требование введения минимальной заработной платы и пенсионную

реформу – в отношении ее содержания до сих пор отсутствует консенсус среди политических партий страны [19]. Пока не ясно, как будет решаться проблема будущих пенсионеров и, соответственно, связанная с ними нагрузка на государственный бюджет. Немецкая нация стареет, продолжительность жизни граждан Германии растет, увеличивается доля лиц пожилого возраста при одновременном сокращении рождаемости и, соответственно, снижении численности населения⁷.

Общее число занятых в Германии к началу 2013 г. составило примерно 41.6 млн., в том числе около 29 млн. подлежащих обязательному социальному страхованию. Одновременно в экономике остается неудовлетворенным спрос на более чем 450 тыс. работников, в основном таких дефицитных специальностей, как инженеры, IT-эксперты, высококвалифицированные специалисты в металлообработке и электротехнике, логистике и гостиничном хозяйстве. Частично эта проблема решается упрощением получения разрешения на работу для указанных специалистов и открытия немецкого рынка труда для граждан из стран – “младочленов” ЕС [2]. Высоки шансы на то, что занятость в немецкой экономике будет расти и в последующие годы. С этим связаны ожидания увеличения не только многомиллиардных поступлений в больничные кассы, социальных и пенсионных платежей, но и спроса на товары и услуги со стороны домашних хозяйств. По оценкам *Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung*, позитивная динамика занятости может стать одной из причин профицита государственного бюджета в 2017 г. в размере 28 млрд. евро (положительное сальдо касс социального страхования может достичь 50 млрд. евро).

В целом государственный бюджет находится на сложном пути к оздоровлению. Доля его дефицита в ВВП в последние годы находится в пределах Маастрихтских критериев, доля госдолга снизилась почти до 80%. Ожидаемое умножение налоговых поступлений и политика жесткой экономии государства в последующие несколько лет должны закрепить позитивные тенденции. Доля госдолга в ВВП в 2017 г. будет понижена до 69%. Средняя эффективная налоговая нагрузка в нефинансовом секторе ФРГ составляет 28%. В ЕС она

⁷ По мнению нового президента Германской торговой промышленной палаты (*Deutschen Industrie- und Handelskammertags*) Эрика Швайцера, для противодействия сокращению потенциала экономически активного населения необходим приток примерно 120 тыс. специалистов, что с учетом членов их семей составляет около 300 тыс. человек в год [7].

выше только во Франции, Эстонии и на Мальте. Тем не менее нынешнее налогообложение вполне приемлемо для бизнеса, особенно с учетом существенного снижения его уровня по сравнению с концом прошлого века.

Определенные проблемы есть в сфере финансового выравнивания. Сегодня только три федеральных земли являются донорами (Бавария, Баден-Вюртемберг и Гессен), остальные – реципиентами, причем задолженность некоторых из них продолжает расти. Поэтому в Конституционном суде рассматривается жалоба Баварии и Гессен о пересмотре существующего механизма и предоставлении больших прав землям – неттоплательщикам. До 2020 г. система финансового выравнивания должна быть реформирована. Пока же, несмотря на астрономические инвестиции, направленные за два десятилетия на инфраструктурные и прочие проекты в новых федеральных землях, Восточная Германия отстает по основным экономическим показателям от западной части страны, которая по-прежнему представляется восточногерманским немцам более привлекательной для проживания и работы.

Вышеупомянутый дефицит специалистов ряда профессий, среди прочего, обусловлен положением в сфере среднего и высшего образования, которая несколько лет находится в сложном процессе перестройки в соответствии с требованиями Болонской реформы. При переходе на новую систему усилия были сконцентрированы не на содержательной части, а на формальных критериях, что обусловило недостаточно высокое качество части новых образовательных стандартов и программ в условиях сократившихся сроков обучения. К этому следует добавить проблему с признанием дипломов со степенью бакалавра на рынке труда, нехватку мест в магистратурах, государственное недофинансирование образовательных учреждений, во многих из которых, к тому же, ощущается недостаток преподавателей, определенное социальное неравенство в доступе к высшему образованию. Новым вызовом становится постоянный рост молодых граждан с миграционным фоном. Начался сложный процесс адаптации школьных программ отдельных земель к общегерманским стандартам. Реформы тормозятся высокой степенью зарегулированности и бюрократизации сферы образования.

Германия несколько отстает от требований Лиссабонской стратегии касательно доли частных и государственных расходов на НИОКР в ВВП (она составляет 3%). В последние годы этот показатель последовательно рос и приблизился

к 2.9% в 2012 г. Во многом это произошло благодаря усилиям немецких компаний (на них приходится подавляющая часть расходов), которые существенно увеличили свои затраты на исследования и разработки как внутри страны, так и за ее пределами. Среди концернов-инноваторов лидируют *Volkswagen, Daimler, BMW, Siemens, Bosch*. Со своей стороны, государство оказывает широкомасштабную поддержку бизнесу, в первую очередь малому и среднему, в области инноваций и НИОКР. Среди государственных программ следует выделить программу по содействию развитию высокотехнологических кластеров (*Spitzencluster-Wettbewerb*), инновационной поддержке миттельштанда – мелких и средних предприятий (*Zentrale Innovationsprogramm Mittelstand*) и высших учебных заведений (*Exzellenzinitiative für Hochschulen* и *“Forschungscampus”*). Согласно рейтингу стран ЕС по уровню инновационной активности, рассчитываемому Европейской комиссией на базе 24 индикаторов, в начале 2013 г. ФРГ занимала второе место (0.72), уступая только Швеции (0.74) и опережая Данию (0.71), Финляндию (0.68) и Нидерланды (0.65). Средний показатель по ЕС составляет 0.55⁸.

Согласно прогнозу ведущих экономических институтов Германии, темпы роста ВВП только в 2014 г. начнут заметно ускоряться, что позволит обеспечить максимальную занятость и снижение уровня безработицы при сдержанном увеличении заработной платы (см. табл.).

Несмотря на обоснованные претензии, предъявляемые к немецкой хозяйственной модели, которая во многом отошла за послевоенные десятилетия от ордолиберальных принципов, она по-прежнему является устойчивой, эффективной и способной давать адекватные ответы на внешние и внутренние вызовы. Последние в наибольшей мере касаются энергетики, демографии, образования и системы пенсионного обеспечения. Адаптивность системы во многом будет определяться готовностью будущих правительственных коалиций проводить необходимые реформы.

Н.В. Супян. О некоторых тенденциях экономического развития ФРГ. В последние годы, которые в целом можно обозначить как кризисные – годы мирового финансового кризиса, а затем – кризиса суверенного долга в Европе,

⁸ Оценивается инновационная деятельность высших учебных заведений и компаний, кадровые ресурсы, открытость исследовательских систем, финансирование и стимулирование предпринимательских инноваций, создание инновационных сетей, влияние инноваций на динамику занятости и т.д. [18].

Таблица. Некоторые основные показатели экономики Германии

	2009	2010	2011	2012	2013 ¹	2014 ¹
Динамика реального ВВП, %	-5.1	4.2	3.0	0.7	0.8	1.9
Занятые, тыс. человек	40370	40603	41164	41613	41863	42086
Уровень безработицы, %	8.1	7.7	7.1	6.8	6.7	6.4
Инфляция, %	0.3	1.1	2.1	2.0	1.7	2.0
Динамика издержек на оплату труда, %	6.2	-1.5	1.2	2.8	1.9	1.8
Сальдо госбюджета, млрд. евро	-73.0	-103.6	-19.7	4.2	1.3	15.2
Сальдо госбюджета к номинальному ВВП, %	-3.1	-4.1	-0.8	0.2	0.0	0.5
Сальдо текущего платежного баланса (ТПБ), млрд. евро	141.5	156.0	161.2	185.4	186.7	195.7
Сальдо ТПБ к номинальному ВВП, %	6.0	6.2	6.2	7.0	6.9	7.0

¹ Прогноз.

Источник [14].

в социально-экономическом развитии ФРГ наметился ряд новых тенденций. Некоторые из них были спровоцированы собственно кризисом, некоторые стали следствием политики, проводимой федеральным правительством. Так или иначе, это – важные изменения, способные оказать воздействие на функционирование всей германской экономической системы. Остановимся на двух принципиальных для народного хозяйства ФРГ сферах, в которых происходят изменения: банковский сектор и энергетика.

Несмотря на то что германская банковская система оказалась гораздо более устойчивой к вызовам мирового финансового кризиса, чем банковские системы большинства западных стран, его последствия обнажили некоторые системные недостатки кредитно-финансовых институтов ФРГ. Прежде всего, речь идет о земельных банках: публично-правовых финансовых институтах, “домашних банках” федеральных земель (или целых регионов), одновременно являющихся жироцентралями сберегательных касс. Ввиду отсутствия у них четкой бизнес-модели и, как следствие, из-за злоупотреблений инвестициями в высокорисковые иностранные активы, многие земельные банки оказались в бедственном положении и потребовали значительных вливаний государственных средств. Тем не менее избежать реструктуризации сектора не удалось, и многие земельные банки были объединены, проданы или ликвидированы. В настоящее время оставшиеся институты возвращают государству средства, затраченные на их спасение (так, одному лишь земельному банку Баварии было выделено 10 млрд. евро), а также, во многом под давлением со стороны Еврокомиссии, реализуют оздоровительные программы, в рамках которых уменьшают

баланс, сокращают рабочие места, избавляются от непрофильных активов. Главная цель – возвращение к канонической бизнес-модели: отсеечение всех лишних сфер деятельности, в том числе за рубежом, концентрация на финансировании малого и среднего бизнеса, обслуживании частных клиентов. Кроме того, претерпевает изменения соотношение сил между основными владельцами земельных банков – сберегательными кассами и землями; ослабевает зависимость институтов от региональных политиков.

Однако усиление процессов консолидации – тенденция, характерная отнюдь не только для группы земельных банков. После поглощения “Дрезднер банка” (*Dresdner Bank*) “Коммерцбанком” (*Commerzbank*), а “Постбанка” (*Postbank*) – “Дойче банком” (*Deutsche Bank*) количество крупных коммерческих банков (“гроссбанков”) заметно сократилось. При этом под воздействием кризисных обстоятельств *Commerzbank* частично перешел в государственную собственность, утратив вес и потеряв международный статус *too-big-to-fail*. Таким образом, единственным крупным германским игроком на международном рынке остался лидер отрасли *Deutsche Bank*, однако и он переживает непростой период. В 2012 г. в результате смены руководства во главе банка встали сразу два сопредседателя, представляющие разные поколения, формации руководителей и направления банкинга. Вслед за этим институт вступил в фазу поиска новой идентичности и обновления стратегии, что лишь усилило его уязвимость.

Еще более значимыми для германского банковского сектора являются процессы, происходящие на европейском уровне. В первую очередь – это создание европейского банковского союза, призванного обеспечить осуществление единого

банковского надзора и исключить бюджетные средства из механизмов спасения банков. Действительно, каждый следующий виток европейского кризиса демонстрирует, что решение проблем банков за счет государственных средств лишь порождает новые, более масштабные проблемы. Германия поддержала эту инициативу и активно принимает участие в создании новой структуры.

Однако в том непроработанном виде, в каком план формирования союза существует теперь, он скорее невыгоден для Германии. Во-первых, есть опасения, что банки периферии вновь не обойдутся собственными средствами и будут обращаться за помощью к германским банкам, а это категорически не устраивает последние. Во-вторых, единый европейский контролирующий орган не может учесть специфики отдельных групп немецких банков, занимающих особые региональные ниши. В-третьих, в ФРГ уже были приняты необходимые меры по улучшению банковского надзора (в частности, Закон “Об усилении немецкого финансового надзора” [16]) и выработаны требования к банкам, в случае банкротства минимизирующие затраты на их ликвидацию; соответствующая нормативная база наилучшим образом адаптирована к национальной специфике. Наконец, в целях упрощения осуществления единого европейского надзора выработаны рекомендации по обособлению подразделений банков, занимающихся инвестиционным банкингом и иными видами высокорисковых операций, что крайне нетипично для ФРГ, где основой экономики традиционно является универсальная, а не дифференцированная банковская система.

Как известно, германская экономика – не только ведущая экономика Европы, но и развитая экономика с относительно гипертрофированной индустриальной составляющей. Промышленность всегда предъявляет повышенные требования к энергообеспечению, поэтому энергетическая безопасность – обязательное условие устойчивого развития и сохранения глобальной конкурентоспособности ФРГ. Тем не менее уже не одно десятилетие федеральное правительство ставит смелые эксперименты в сфере энергетической политики.

Осенью 2010 г. была одобрена “Энергетическая концепция 2050” [12]. Она определила основные направления развития страны в области энергетики, но главное – продлила действие атомных реакторов в среднем на 12 лет (максимально – до 2037 г.) и тем самым отменила решение о скорейшем отказе от ядерной энергетики, при-

нятое кабинетом Г. Шрёдера. Теперь же атомная энергетика объявлена “переходной технологией”, которая должна поддерживать надлежащее энергообеспечение экономики до тех пор, пока альтернативная энергетика не разовьется настолько, что сможет полностью взять на себя эту функцию. Помимо этого, “Энергетическая концепция” ставит цели продолжать наращивание регенерируемых источников энергии, сокращать эмиссию парниковых газов, совершенствовать инфраструктуру, в первую очередь – электросети, повышать энергоэффективность на всех уровнях, развивать электротранспорт и пр.

Документ, принятие которого потребовало больших усилий и продолжительного политического диалога, вступил в силу 1 января 2011 г., однако уже в марте, после аварии на японской АЭС “Фукусима”, в Германии был принят “атомный мораторий”, а восемь атомных станций выведены из эксплуатации. Позднее, в июле того же года было решено окончательно отказаться от использования ядерной энергии и вывести оставшиеся девять станций из эксплуатации к 2022 г. Этот шаг носил скорее политический характер, правительство шло на поводу у общественной истерии, подогреваемой “зелеными” и партиями левого толка. Теперь задачи, зафиксированные в “Энергетической концепции”, требовалось решать еще быстрее; для осуществления комплекса реформ, получивших название “энергетический поворот”, был спешно принят целый ряд вспомогательных законов, например “О мерах, направленных на ускорение прокладки новых электросетей” от 28 июля 2011 г. [15]. Близость выборов в бундестаг (сентябрь 2013 г.) определила принципиальную важность реализации этих реформ для канцлера А. Меркель. Она вновь подтвердила, что “энергетический поворот” – главный проект правительства, назначив в мае 2012 г. нового министра окружающей среды – П. Альтмайера, который должен ускорить процесс реформирования германской энергетики.

Пока реформа далека от завершения, она столкнулась с серьезными препятствиями. Во-первых, в силу технических трудностей и политических проволочек не выполняется план по строительству электросетей, которые должны соединить масштабные парки ветрогенераторов на севере с индустриальным югом страны. Во-вторых, из-за невозможности подключиться к сетям замораживаются и сами проекты по строительству парков ветрогенераторов; издержки за простаивающие стройки ложатся на плечи налогоплательщиков. Постоянно увеличивается число обанкротив-

шихся немецких компаний в сфере фотовольтаического оборудования – в основном они не выдерживают конкуренции со стороны азиатских, главным образом китайских, производителей. По-прежнему далека от совершенства система субвенций, поощряющих производителей энергии, не конкурентоспособна без государственной поддержки альтернативная энергетика; неуклонно растет стоимость энергии для конечного потребителя. Эксперты постоянно предупреждают об опасности возникновения блэкаутов, связанных с поспешным отключением ряда атомных станций.

Даже в сфере электромобилестроения ФРГ остается на гораздо более скромных позициях, нежели планировалось.

Таким образом, с одной стороны, цели реформы, без сомнения, реализуются (лишь за 2012 г. доля возобновляемых источников в производстве электроэнергии возросла с 20.5 до 22.9% [13]), с другой – многие направления, вызывавшие эйфорию и казавшиеся простым и быстрым решением, на деле оказались источником издержек, проблем, а порой – и опасности. Реформа требует большого количества тонких подстроек и переосмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В.Б., ред. *Германия. 2010*. М., Институт Европы РАН, 2011, 195 с.
2. Белов В.Б., ред. *Германия. 2011*. М., Институт Европы РАН, 2012, 195 с.
3. Кузнецов А.В. Большие перемены у малых партий Германии. *Перспективы*. 04.05.2012. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/bolshije_peremeny_u_malyh_partij_germanii_2012-05-04.htm (accessed 17 October 2013).
4. Кузнецов А.В. Германия: вызовы европейского лидерства. *Год планеты*. Ежегодник. Выпуск 2010 года. М., 2011, сс. 204-214.
5. Кузнецов А.В. Электроэнергетика Германии в условиях экономического кризиса. *Перспективы*. 29.04.2013. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/elektroenergetika_germanii_v_uslovijah_ekonomicheskogo_krizisa_2013-04-29.htm (accessed 17 October 2013).
6. Тоганова Н.В. Стратегии ФРГ в сфере возобновляемых источников энергии: внутренняя и внешняя политика. *Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики*. М., 2012, сс. 104-136.
7. Bis 2025 könnten sechs Millionen Arbeitskräfte fehlen. Available at: www.faz.net/aktuell/wirtschaft/demographie-papier-der-regierung-bis-2025-koennten-sechs-millionen-arbeitskraefte-fehlen-12173074.html (accessed 17 October 2013).
8. Bruttostromerzeugung in Deutschland für 2010 bis 2012. Available at: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/Wirtschaftsbereiche/Energie/Erzeugung/Tabellen/Bruttostromerzeugung.html> (accessed 17 October 2013).
9. Dalton R., Bürklin W. Two German Electorates? Dalton R., ed. *Germans Divided*. Oxford (UK), Washington (DC), Berg Publishers, 1996, pp. 183-208.
10. Decker F., Best V. Looking for Mr. Right? A Comparative Analysis of Parties' Coalition Statements Prior to the Federal Elections in 2005 and 2009. *German Politics*, 2010, vol. 4, no. 1, pp. 165-181.
11. Decker F., Best V. Lost in New Five-Party System. *International Policy Analysis*. Friedrich Ebert Stiftung, June 2011, 17 p.
12. Energiekonzept für eine umweltschonende, zuverlässige und bezahlbare Energieversorgung, 28. September 2010. Available at: http://www.bmu.de/fileadmin/bmu-import/files/pdfs/allgemein/application/pdf/energiekonzept_bundesregierung.pdf (accessed 17 October 2013).
13. Erneuerbare Energien auch im Jahr 2012 weiter angewachsen. Available at: <http://www.erneuerbare-energien.de/die-themen/datenservice/erneuerbare-energien-in-zahlen/erneuerbare-energien-im-jahr-2012/> (accessed 17 October 2013).
14. Gemeinschaftsdiagnose Frühjahr 2013: Deutsche Konjunktur erholt sich – Wirtschaftspolitik stärker an der langen Frist ausrichten. Halle, ifo Institut. April 2013, 82 s.
15. Gesetz über Maßnahmen zur Beschleunigung des Netzausbaus Elektrizitätsnetze. Available at: <http://www.buzer.de/s1.htm?g=Gesetz+%C3%BCber+Ma%C3%9Fnahmen+zur+Beschleunigung+des+Netzausbaus+Elektrizit%C3%A4tsnetze&f=1> (accessed 17 October 2013).
16. Gesetz zur Stärkung der deutschen Finanzaufsicht. Available at: http://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/DE/Fachartikel/fa_bj_2013_01_finstabg.html (accessed 17 October 2013).
17. Ingelhart R. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton (NJ), Princeton University Press, 1990, 375 p.

18. Innovation Union Scoreboard 2013. Available at: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/files/ius-2013_en.pdf (accessed 17 October 2013).
19. Jahreswirtschaftsbericht 2013. Wettbewerbsfähigkeit – Schlüssel für Wachstum und Beschäftigung in Deutschland und Europa. BMWi. Berlin, Januar 2013, 114 s.
20. Lees Ch. *Party Politics in Germany: A Comparative Politics Approach*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2005, 368 p.
21. Weltkonjunktur im Frühjahr 2013. *Kieler Diskussionsbeitrag*, no. 518/519, 33 s.
22. Zweistimmen-Wahlabsicht. *IfD Allensbach*. Available at: <http://www.ifd-allensbach.de/studien-und-berichte/sonntagsfrage/gesamt.html> (accessed 17 October 2013).

The World. Challenges of the Global Crisis. Germany

© 2014

The economic crisis of 2008–2009 highlighted new problems in the development of the German social market economy model and brought to the forefront the factors of its resilience that have ensured Germany's leadership positions in the EU. Changes in economic policy have affected in the first place the energy and the financial sectors. Shifts in the political landscape have led to the appearance of new political parties. These changes have affected the results of the 2013 elections, the liberal democrats failure to enter the Bundestag has made the winner – CDU – seek new coalition partners.

Keywords: political landscape, party coalitions, parties of “a new kind”, elections, economic crisis, banking system, energy policy, alternative power engineering, social market economy, industrial economy.

Материал подготовили
И. СЕМЕНЕНКО, Г. ИРИШИН
(iSemenenko@mail.ru)